

Алхимия Слов

В ГОСТЯХ
У ЯГИНИ

**Аксана Кобинец
Анастасия Руссет
Дарья Никончук
Ирина Инодина
Ирис Харди
Кристина Зданович
Лина Смит
Людмила Коптева
Ника Веймар
Саша Уолш
Янина Яхимович
В гостях у Ягини**

<https://litres.ru/74362462>

SelfPub; 2026

Аннотация

В одной белорусской деревне стоит агроусадьба Янины — или Ягини, если знать о хозяйке чуть больше, чем положено простому гостю. Здесь под одной крышей встречаются люди и те, кому в обычном мире приходится скрывать свою природу. Здесь варят

смородиновый чай с мятой, рассказывают старые сказки, спорят, смеются и иногда колдуют.

У каждого из постояльцев своя история. Своя боль. Свои страхи и секреты.

И, возможно, именно здесь они впервые поймут: не всякая рана должна заживать в одиночестве. А если повезёт — ещё и встретят свою стаю.

Белорусское филгуд-фэнтези о магии, которая живёт совсем рядом, о людях и нелюдях, которым иногда нужен второй шанс, и об одном удивительном месте, где можно просто побыть собой. И о том, что чудеса порой начинаются с очень простого: тебя здесь ждали.

Сборник рассказов авторов лиги "Алхимия слов"

Содержание

Аннотация	5
Ника Веймар "Как слепить счастье"	7
Саша Уолш "Серый и солнце"	34
Дарья Никончук "Голубика счастья"	60
Конец ознакомительного фрагмента.	67

**Янина Яхимович,
Анастасия Руссет, Саша
Уолш, Дарья Никончук,
Ирис Харди, Кристина
Зданович, Людмила
Коптева, Аксана Кобинец,
Лина Смит, Ирина
Инодина, Ника Веймар
В гостях у Ягини**

Аннотация

В одной белорусской деревне стоит агроусадьба Янины — или Ягини, если знать о хозяйке чуть больше, чем положено простому гостю. Здесь под одной крышей встречаются люди и те, кому в обычном мире приходится скрывать свою природу. Здесь варят смородиновый чай с мятой, рассказы-

вают старые сказки, спорят, смеются и иногда колдуют. У каждого из постояльцев своя история. Своя боль. Свои страхи и секреты. И, возможно, именно здесь они впервые поймут: не всякая рана должна заживать в одиночестве. Белорусское филгуд-фэнтези о магии, которая живёт совсем рядом, о людях и нелюдях, которым иногда нужен второй шанс, и об одном удивительном месте, где можно просто побыть собой. А если повезёт — ещё и встретить свою стаю. И о том, что чудеса порой начинаются с очень простого: тебя здесь ждали.

Ника Веймар "Как слепить счастье"

— ... а леса у нас тут тихие, ягод и грибов в сезон — хоть багажниками собирай, — соловьём разливался таксист — плотный лысоватый мужчина лет пятидесяти. — Благодарить! Вы, девушка, правильно решили на отдых в деревню, летом в городе душно и от пыли не продохнуть.

Он покосился в окно, потом на Таню.

— Красота тут, конечно. Тишина. Воздух целебный... У нас народ со всей Беларуси сюда как на курорт ездит. И россияне тоже отдыхают, у них этот... как его там... на подагру похожее слово. Тромбоз, артроз, артрит... — он наморщил лоб, вспоминая, и щелкнул пальцами: — ретрит! Во!

— Угу, — тихо ответила Таня, поглаживая лежащую в специальной «дорожной» переноске Феодору.

Кошке не нравилось, что машина то и дело подпрыгивает на ухабах, но пока она терпела и ни разу не подала голос.

— А вы, значит, «У Янины» отдыхать будете?

— Угу.

— Хорошее место, — одобрительно кивнул водитель. — Хозяйка чудная. В хорошем смысле. Кормит — пальчики об-

лижешь. И сад свой, и огородик, и банька! Сам бы там жил круглый год, да не зарабатываю столько.

Он рассмеялся собственной шутке, а Таня только кивнула.

— На Купалье вы удачно попали. Праздник хороший, и народу будет много.

— Угу.

— Венки пустят по воде. Через костры прыгать будут.

— Угу.

Говорить не хотелось. Если честно — не хотелось вообще ничего.

Потрёпанный жизнью Geely бодро подпрыгивал на ухабах. За окном проплывало одуряюще зеленое, сочное яркое белорусское лето, но Таня видела лишь размытые пятна. Ей было не до любования красотами родной земли. Все силы уходили на то, чтобы не разрыдаться самым позорным образом прямо здесь. Скорей бы усадьба... Машину в очередной раз подбросило на кочке, что-то протестующе звякнуло, и Таня, вынырнув из невесёлых мыслей, встревоженно покосилась на таксиста.

— Доедем, — понимающе усмехнулся тот. — Это чудо китайско-белорусского автопрома прочней, чем кажется. А вот о китайском навигаторе такого сказать не могу: вон, опять связь пропала и брешет как сивый мерин.

В подтверждение своих слов таксист постучал пальцем по экрану смартфона, где беспомощно крутился значок загруз-

ки. Таня кивнула, и очень зря, потому что водитель воспринял это как разрешение продолжить разговор.

— Вот я уже лет семь баранку кручу, и вечно в этих местах техника сбоит! — с чувством пожаловался он. — Даже эти, спутниковые которые. Вот скажите, девушка, зачем делают навигаторы, если он в лесу не работают? Смысл, а?

Феодора тихонько, деликатно мявкнула, словно одобрила все претензии к ненадёжной технике.

— Не знаю, — тихо произнесла Таня и вновь уставилась в окно.

За стеклом проплывали берёзы — белые, тонкие, как юные девчонки. Они сменились молодым ельником, плавно перешедшим в непролазный кустарник, и снова — березовой рощей. Лесная дорога сменилась широкой укатанной гравийкой, и машина шла плавно.

— Вот знаете, почему у меня стоимость не по счётчику, а фиксированная? — продолжал таксист. — Да потому что мы уже три раза мимо нужного поворота проскочили! Три! Сейчас этот китайский хлам говорит: надо ехать прямо. А там забор стоит.

— Наверное, чья-то дача, — сказала Таня.

— Вот именно. А по навигатору там дорога. Хоть ты бумажную карту рисуй!

Таня не ответила. Глаза снова защищало от подступивших слёз, и она часто заморгала. Вдох. Выдох. Смотреть на деревья и чистое синее небо. Не думать, не думать, не думать о

том, как всего два дня назад она, складывая Сашин чемодан, обнаружила там второй телефон. Решила, что это рабочий, хотела положить на тумбочку, и в этот момент экран вспыхнул. В мессенджер пришло уведомление от контакта «Танечка». Три слова, после которых жизнь не просто раскололась надвое — она осыпалась мелким острым стеклом.

«Сашенька сказал «papa»!»

Эта фраза намертво въелась в сердце и сейчас болезненно пульсировала за рёбрами. Таня прикусила губу, чтобы отвлечься, тряхнула головой. За окном мелькнул хутор: небольшой светлый домик, два сарая, колодец, полосатый кот на заборе. Последний смотрел на проезжающую машину с таким выражением, будто видел в жизни всё и давно разочаровался в людях.

Усадьба возникла из-за деревьев неожиданно. Деревянные ворота с резной вывеской над ними были гостеприимно распахнуты. Шрифт изобилдовал завитушками, отчего название читалось как «У Ягини». Территория утопала в зелени так, что гостевые домики угадывались только по крышам с флюгерами в виде разных зверушек.

— Приехали, — объявил таксист.

Приняв оплату, помог достать из багажника чемодан и переноску на колёсах для кошки, пожелал хорошего отдыха и уехал. А от центрального двухэтажного дома к воротам шла хозяйка. Русоволосая статная женщина неопределённого возраста, из тех, кто в сорок и шестьдесят выглядит оди-

наково моложаво. На шее — бусы явно ручной работы: миниатюрные мухоморы, жабки и цветы в переплетении изящных веточек. Одета она была в длинную льняную юбку и светлую рубашку с коротким рукавом. Таня слегка позавидовала: на ней льняные вещи через пять минут выглядели так, словно их корова жевала.

— Таня и Феодора, верно? — широко и открыто, словно старой знакомой, улыбнулась хозяйка. Голос у неё был певучий, мягкий. — Проходи, дорогая, не стой у ворот, как бедный родственник. Меня тёткой Яниной звать.

Она осмотрелась по сторонам, и тут же откуда-то сбоку из-за кустов отцветшего чубушника вышел высокий худощавый блондин, на ходу пряча в карман смартфон.

— Баюн, помощник мой, — представила его Янина и распорядилась: — Помогите гостье. Пятый домик.

Парень без лишних слов забрал у Тани чемодан и легко, точно пушинку, покатил его по дорожке. Они с хозяйкой пошли следом. Феодора в своём «лимузине» заинтересованно крутила головой.

— Домик твой у леса, чуть поодаль от остальных, — размеренно рассказывала Янина. — Всё для вас с кошкой подготовили. Отдыхай, ни о чём не думай. Столовая вон там, в центральной усадьбе, но на кухне всегда есть свежее молоко, чай и пироги. К слову, сегодня с земляникой. Вкуснятина!

— Мне мучного нельзя, — с сожалением вздохнула Таня. — И так фигура как у рубенсовских женщин...

— А от моих пирогов не толстеют, — подмигнула тётка Янина. — Давай так: смело ешь всё, что хочешь, а если хоть сто грамм прибавишь, пока у меня гостишь, верну всю сумму за проживание!

Тане отчего-то стало смешно. И не жалко же денег хозяйке!

— А если не прибавлю? — спросила она.

Янина ответила не задумываясь, будто ответ был заготовлен загодя:

— Тогда приедешь в гости ещё раз.

Пока дошли до домика, Таня успела немного осмотреться. Территория была ухоженной, но не вылизанной, как картинка из глянцевого журнала, а живой. Густые клумбы с пёстрыми цветами, розарий. На солнечных местах — деревянные грядки с клубникой. Крупные ягоды краснели меж тёмных листьев. Поймав её взгляд, хозяйка улыбнулась и сообщила:

— Всё можно рвать и кушать. С грядки слаще. Там, за баней, на солнышке ещё черешня через пару дней поспеет.

— Спасибо, — отозвалась Таня.

Домик оказался в точности таким, как на фото на сайте. Деревянный, с широким крыльцом, на котором стояло кресло-качалка. Внутри — кровать, накрытая лоскутным покрывалом, пёстрый домотканнный половик, шкаф и комод. На накрытом ажурной скатертью столе стоял электрический чайник в форме самовара. Только шнур да размер выдавали в нём новодел. Рядом — две чашки и блюдо с баранками. И

ключ от домика. Танин чемодан стоял у шкафа, помощника Янины — как там она его назвала, вроде, Баюн? — нигде видно не было.

— Располагайся, отдыхай, — светло улыбнулась Янина. — Если нужно, я рядом. — Внимательно, цепко посмотрела на Таню и добавила: — Если не нужно — тоже. Но в душу лезть не буду.

Она вышла, прикрыв за собой дверь. Таня выпустила Федору, и кошка тут же, смешно насторожив уши с кисточками, принялась изучать новое жилище. Через несколько минут из уборной донеслось активное шкрябание: Дора обнаружила лоток. Надо же, не обманули...

Таня заперлась на щеколду, опустилась на стул у кровати, провела рукой по лоскутному покрывалу. Похожее было у бабушки... Достала телефон и раздосадовано поморщилась. Сеть и тем более интернет тут практически не ловили. Хорошо, что она ещё с утра написала родителям, что взяла отпуск за свой счёт и уехала на пару недель в усадьбу под Минском. Соврала, что хочет отдохнуть, пока муж будет в очередной командировке. Перечитала последнюю строчку: «Всё хорошо, люблю, целую», — и грустно усмехнулась. На самом деле, её состояние было ой каким далёким от «хорошо». В груди словно открылась чёрная дыра, безжалостно всосавшая в себя все тёплые эмоции. Было больно...

В ушах до сих пор звенел вчерашний крик Саши. Его перекошенное, такое знакомое и в одночасье ставшее чужим

лицо, когда она швырнула ему этот злосчастный телефон с российской сим-картой и открытым сообщением от другой Танечки.

— Да чего ты орешь, дура?! — кричал он вчера. — Подумаешь, завёл другую бабу на вахте! Я деньги тебе возил? Возил! Дома помогал? Помогал! Расписан с тобой? С тобой! Всем всего хватало, чего ты лезешь куда не просят?!

И, самое страшное, он не выглядел виноватым. Оказывается, можно прожить с человеком пять лет, печь ему пироги, встречать с поезда, зацеловывать морщинки в уголках глаз и при этом совершенно его не знать. У Саши, её Саши, было два паспорта и две жизни. Две Тани. Первая она — законная жена, уютная, домашняя Таня в Минске. Вторая — московская любовница, родившая ему сына.

Сейчас, когда рядом не было ни души, она наконец позволила себе заплакать. По-настоящему, навзрыд, уткнувшись лицом в лоскутное одеяло, пахнущее мятой и лавандой. Пять лет... Пять лет она ждала его из командировок, радовалась его возвращению, они вместе планировали ремонт и отпуск. И детей тоже. Муж обещал, что как только его переведут, так сразу можно будет задуматься о малыше. Мол, тогда он сможет быть рядом, поддерживать и заботиться о любимой женщине в такой важный период. В последний год Таня всё чаще смотрела на детские коляски в магазинах, на трогательные миниатюрные боди, распашонки и носочки и думала: скоро, вот Сашку повысят, закончится разъездная работа, и тогда...

А оказалось, что там, в Москве, у него уже был ребёнок, который сказал своё первое «папа». И другая Таня, которой он наверняка тоже что-то обещал, вместе с которой что-то планировал, которая, как и она, ждала своего мужчину из командировок. И у этой Тани мир тоже вчера рухнул, когда она, увидев прочитанное сообщение, позвонила...

Наконец слёзы закончились. Встревоженная Феодора крутилась рядом, ласково бодалась, мурлыкала, изо всех сил пытаясь успокоить хозяйку.

— Только ты меня и понимаешь, зайныка, — прошептала Таня, прижав кошку к груди.

Та доверчиво уложила голову на плечо хозяйки и замурлыкала ещё громче. Таня сходила в ванную, умылась, насыпала Феодоре корма и вернулась на кровать. Идти никуда не хотелось. Есть — тоже. Хотелось свернуться в клубочек, накрыться одеялом — и тихо переживать своё горе. Она не ждала, что сумеет уснуть, прошлой ночью не вышло задремать ни на мгновение. Да, на новом месте Таню всегда мучила бессонница. То незнакомые звуки, то не такая подушка, то ещё какая беда. Но усадьба Янины и впрямь было особенной. А может, дело было ещё и в убаюкивающем ровном тарахтении любимой кошки. Стоило прикрыть глаза на мгновение, и сон пришёл сам. Глубокий, крепкий, исцеляющий. И там, во сне, Таня видела волка. Он стоял на опушке леса — мощный, красивый зверь с янтарными глазами. Лунный свет серебрил густую шерсть. Волк смотрел прямо на неё, а

затем подошёл и доверчиво уткнулся лобастой головой прямо в раскрытую ладонь.

Проснулась Таня от птичьего щебета и цоканья Феодоры, сидевшей на окне и наблюдавшей за пернатыми. Воспоминания о предательстве мужа, пока ещё без приставки «экс», никуда не исчезли, но сегодня отчего-то казались менее болезненными, словно рана затянулась тонкой, но надёжной корочкой. Таня умылась, натянула джинсы и толстовку и вышла на крыльцо. Раннее утро пахло сосновой свежестью, молодой листвой и ягодами. Буквально в шаге от крыльца в траве алела россыпь дикой земляники. Надо же, никто из гостей усадьбы её не заметил!

Искушение оказалось слишком притягательным. Таня спустилась с крыльца и присела на корточки, бережно собирая в ладонь ягодку за ягодкой. Трава была мокрой от росы, кеды немедленно промокли насквозь, но она не обратила на это внимания. Крошечные ягоды пахли так, что кружилась голова. Набрав горсточку, Таня закинула её в рот, и зажмурилась от удовольствия.

Земляника разожгла аппетит, и Таня взглянула на часы. Начало восьмого... Вряд ли в такое время завтрак для гостей уже готов. Впрочем, Янина вчера что-то говорила про пирожки с ягодами и чай. Вдруг что-то осталось с вечера! Обнадёженная этой мыслью, Таня поспешила к центральной усадьбе. Зашла на веранду — да так и застыла. Обыкновенный берёзовый веник совершенно самостоятельно, ритмич-

но и очень бодро мёл пол, сгоняя соринки на небольшой совок. Сам по себе, как в сказке.

У Тани округлились глаза. Она застыла, боясь пошевелиться. В этот момент из дверей выглянула хозяйка, видимо, услышавшая шаги. Увидев Таню и её шокированный взгляд, устремлённый на веник, Янина ни капли не смутилась. Хлопнула в ладоши, и веник упрыгал за дверь, где перевернулся и встал в углу, притворяясь обыкновенной связкой прутьев.

— Доброе утро, Танечка, — доброжелательно улыбнулась женщина. — Что, веника испугалась?

— А... Это... Оно живое? — спросила Таня, чувствуя себя донельзя глупо.

Логичные объяснения увиденному не находились.

Янина искренне расхохоталась и всплеснула руками.

— Скажешь тоже! Ну как не в наше время живёшь! Знакомый мастер подарил, местный Кулибин и Левша в одном флаконе. Там внутри хитрая механика какая-то, датчики... В общем, робот, только не пылесос. Всё для сказочной атмосферы. Штучная работа!

Таня моргнула, пытаясь переварить информацию про берёзовый роботовеник и представить, сколько такое чудо инженерной мысли может стоить, и нервно усмехнулась:

— Тётка Янина, вы ж предупреждайте! Ещё чуть-чуть, и я бы решила, что мне пора к психиатру.

— Предупреждаю, — кивнула женщина. — Если увидишь

говорящего ворона — не пугайся, это Грош. Если дать ему монетку, он принесёт тебе грецкий орех. Или жёлудь, уж как повезёт. Ах да, на Купалье будут эти... всё время слово ваше модное забываю. Ряженые, в общем. Русалки, кикиморы, может, даже леший. Приходи на праздник, будет весело.

— Я подумаю, — отозвалась Таня и, решив пошутить, поинтересовалась: — Кстати, а скатерти-самобранки у вас случайно нет? А то я бы от порции драников не отказалась. Или сырников...

— Увы, вот чего нет, того нет, — со вздохом покачала головой хозяйка. — А жаль! Завтрак через минут двадцать будет, покормлю тебя вместе с работниками. Проходи на кухню. Прямо и налево. Уборная, чтоб руки вымыть, направо.

* * *

Стоило Таниным шагам стихнуть в коридоре, как Янина негромко позвала:

— Баян!

— Ась? — высунулся из дверей худощавый растрёпанный блондин с хитрым взглядом.

— Ты, морда кошачья, почему веник без присмотра оставил? — тихо процедила хозяйка усадьбы.

— Так я ж на минуточку отвернулся! — возмутился парень. — Рилс монтировал...

— На минуточку! — передразнила Янина. — Проверь, чтоб чулан с самобранкой на все засовы заперт был! А то, если гости и этот фокус увидят, мы им никакими нанотех-

нологиями не отбросимся!

— А я бы попробовал: сказки сказывать — моё дело, — лучезарно улыбнулся Баян и тут же, поймав суровый взгляд хозяйки, сделал вид, будто закрывает рот на замок. — Понял, не дурак!

— То-то же! — Янина погрозила пальцем.

Баян тихонько фыркнул и бесшумно, по-кошачьи плавно, исчез за дверью.

* * *

Завтрак был таким, что Таня едва не захлебнулась слюной, пока Янина выставляла на льняную скатерть рассыпчатый творог в пузатой глиняной миске, густую сметану, домашний — ещё тёплый — хлеб, нарезанный щедрыми ломтями, и к нему жёлтое, как солнце, масло со «слезой». Деревенская сушеная колбаса и прозрачные ломтики полендвичи соседствовали с домашней ветчиной. И сырники тоже были. Дразнили румяными поджаристыми боками с большого блюда. И клубника. Огромная тарелка крупной ягоды, пахнущей летом.

Блондинистый помощник Ягини шустро смолотил яичницу с беконом и ушёл по делам. Прибежала худая девчонка с волосами странного буровато-серого цвета, ухватила бутерброд с ветчиной, с набитым ртом поблагодарила, притом имя хозяйки усадьбы прозвучало забавно — почти «Ягиня» — и умчалась, доедая на ходу.

— Кушай, милая, кушай, — напутствовала Янина, ставя

на стол блюдо с обещанными пирожками. — Горе — оно прожорливое. Если не закормить пирогами, начнёт человеком питаться. Народная мудрость!

— А кофе у вас есть? — спросила Таня, доедая третий сырник со сметаной и клубникой и с сожалением понимая: от четвертого придётся отказаться, иначе не поместится пирожок с лесными ягодами.

— Есть, — кивнула Янина. — Но мой тебе совет: отведай чаю со смородиной и мятой. Кофе нервы тревожит, а ты сюда отдыхать приехала.

Таня хотела сказать, что не любит травяные чаи, но тётка Янина уже наливала в глиняную чашку, расписанную цветами и конями, горячий отвар. Отказываться было неловко. Первый глоток Таня сделала осторожно — и замерла, ошеломлённая вкусом. Терпко-сладким, ярким, насыщенным, словно она внезапно оказалась в середине смородинового куста, мокрого после летнего дождя. Спелая ягода раскрылась на языке бархатистой кислинкой, которая тут же уступила место прохладному послевкусию мяты с лёгкой шоколадной ноткой. Ещё глоток — и в смородиново-мятную феерию добавилась приятная сладость мёда. Таня прикрыла веки, чувствуя, как тело, до сих пор сжатая в пружину, медленно расслабляется. Травяной привкус, которого она так боялась, оказался вовсе не аптечным, а живым, идеально подходящим началу неторопливого летнего утра. Третий глоток она смаковала, растягивая удовольствие. Уловив движение

воздуха, открыла глаза и обнаружила рядом блюдо с пирожками. Тётка Янина понимающе улыбалась. Таня взяла тёплый пирожок и снова припала к чашке. Хотелось ещё раз ощутить на языке смородиново-мятно-медовый вкус.

После завтрака она вернулась в домик: за Феодорой. Кошка, в отличие от немалого количества своих домашних уса-тых собратьев, обожала улицу и природу, прекрасно шла рядом на поводке, и Таня не собиралась отказывать любимице в удовольствии. Наверняка та уже все глаза проглядела, вы-сматривая хозяйку.

Феодора и впрямь нетерпеливо топталась по подоконни-ку. Увидев Таню, прыгнула — побежала к двери. Зайдя в дом, Таня рассмеялась: Феодора с царственным видом сиде-ла в прогулочной коляске-переноске.

— Ну нет, дорогуша, сейчас ты идёшь лапками, — разо-чаровала она питомицу, надевая на неё шлейку.

Впрочем, кошка не слишком расстроилась. Важно выша-гивала по дорожкам, чутко поводя ушами с роскошными ки-сточками, охотилась за кузнечиками в траве и demonstra-тивно игнорировала местных котов, блаженно греющихся на солнце. Тех, к слову, было немало: Таня насчитала пятерых. Судя по схожей расцветке, один большой кошачий прайд. Все в меру упитанные, здоровые и с блестящей шерстью. Бы-ло видно, что животных здесь любят.

Гостей в усадьбе, несмотря на близкое Купалье, встрети-лось не так уж много. Наверняка потому, что не все ещё

проснулись. Таня мазанула взглядом по одному из работников — улыбчивому рыжему парню с заплетёнными в косу волосами, тащившему куда-то тяжеленую жаровню, и задержалась на другом. Хмуром, неприветливом, как будто колючем. Зыркал он на всех исподлобья и вообще смотрелся среди обитателей усадьбы, как чертополох на цветочной клумбе. Дикий. Отчего-то именно это слово первым пришло на ум. Феодора тоже замерла, насторожилась, принялась — и через мгновение внезапно успокоилась, даже коротко мурлыкнула.

Как-то незаметно они с кошкой дошли до маленького домика, стоявшего возле хозпостроек. У его стен росли пионы — какой-то поздний сорт. Нежно-розовые, махровые, почти с тарелку величиной. Рядом вились из горшков петунии и алиссум, а над ними всюю кружили толстые шмели. Феодора заинтересованно потянулась к ним, и Таня поспешила взять кошку на руки. Ещё не хватало, чтобы пушистая свела близкое и болезненное знакомство со шмелём!

— Здравствуйте, — негромко окликнул её девичий голос.

Таня обернулась и увидела невысокую девушку в джинсовых шортах, белом топе и клетчатой рубашке, концами завязанной на талии. Волосы девушка красила в зелёный, оттенка болотной тины, но ей это удивительно шло. Похоже, ещё кто-то из работников. В руках незнакомка держала набор акриловых красок.

— Доброе утро, — поздоровалась Таня.

— Меня Кимой зовут, — представилась незнакомка. Прошла к домику, на ходу выуживая из кармана связку ключей с брелком-лягушкой, открыла дверь. — А тут моя мастерская. Заходите.

— Да нет, мы просто гуляем, — смутилась Таня.

— Заходите, — повторила Кима, и в этот раз спорить с ней отчего-то не хотелось.

Внутри пахло красками, свежим деревом и глиной. На стеллажах стояли корзинки с пёстрыми лентами, контейнеры с бусинами, баночки с сухоцветами, фурнитурой и бог пойми чем ещё. На крючках висели связки шнуров и в целом мастерская Кимы напоминала логово древнего шамана. Впрочем, так выглядела комната любой рукодельницы. Таня застыла, рассматривая чужую сокровищницу. Феодора чувствовала себя увереннее. Запрыгнула на табуретку, потом на стол — и принялась обнюхивать стоящие там фигурки, готовые к покраске. Звери, птицы и люди, конечно. Только необычные, сказочные. Кто с рыбьим хвостом, кто с крыльями.

— Какая красота! — искренне выдохнула Таня.

— Скажете тоже, — отмахнулась Кима. — Обычная глина, даже не обжиг, самозатвердевающая. — И неожиданно перешла на «ты». — Хочешь попробовать?

Таня растерялась.

— Но я никогда не лепила... Только в детстве, из пластилина.

— Тем лучше, — кивнула Кима, жестом фокусника вытаскивая из ниши между стеллажами слегка заляпанный краской фартук. — Надевай и садись.

Феодора устроилась на столе, оптимизировалась, сложив лапки, и подбадривающе курлыкнула.

— И ты туда же, — вздохнула Таня, снимая с кошки шлейку.

Но фартук надела и предложенный серый брусок взяла.

Первые минут десять ничего не выходило. Глина крошилась, липла к пальцам. Таня тихонько ворчала себе под нос, пытаясь собрать непослушный материал в цельный комок.

— Она меня не слушается! — пожаловалась она Киме, раскрашивающей фигурку крылатого котика. — Крошится, как... Как моя жизнь!

И осеклась, мигом сообразив, что в сердцах сболтнула лишнего. Но зеленевласка лишь рассмеялась:

— Ох, если б с жизнью было так же просто совладать, как с глиной! Каждый вылепил бы себе счастье по размеру. — Привстала, оценила кусок глины на ладони Тани. — У тебя почти всё готово, ещё чуть-чуть помни, чтоб масса стала пластичной, и можно работать.

Наконец глина покорилась. Таня не думала, что именно лепить — пальцы, привыкшие чувствовать хрупкие стебли цветов, двигались сами. Наконец на ладони оказалась маленькая птица. Смешная, толстенькая, с длинным хвостом. Вот только у Тани никак не выходило прорисовать стеком

второе крыло. Рассердившись, она взяла ещё кусочек глины, размяла, и вылепила птице что-то наподобие дельтаплана — с толстыми стойками. Наблюдавшая за этим Кима только фыркнула и прокомментировала:

— Рождённому летать и сломанное крыло не помеха! Здорово получилось! Ставь сюда, пусть подсохнет.

— А можно я ещё что-нибудь слеплю? — спросила Таня, удивляясь внезапно проснувшейся тяге к творчеству.

— Да пожалуйста! — Кима охотно подвинула к ней упакованный брусок. — Только заворачивай, чтоб основная часть не засыхала.

Разминая глину, Таня наблюдала, как Кима расписывает очередную фигурку узорами, как шустро мелькают тонкие пальцы. А в её руках из глины тем временем рождалась лягушка с короной. Почему-то тоже круглая, словно её хорошо откормили мухами. Кима хихикнула, посмотрев на жабу, и попросила разрешения забрать её себе, когда та высохнет.

— Конечно! — Таня даже немного смутилась от просьбы. — Это ведь твоя глина.

— В мастерскую могут приходить все, — улыбнулась Кима. — Ты не представляешь, у какого количества людей на природе появляется желание творить! А я так, наблюдатель. Ну и совет дать могу, если попросят.

Феодора спрыгнула на пол и деликатно мяукнула, давая понять, что её пушистое высочество устали сидеть на одном месте и желают гулять. Таня надела на кошку шлейку, попро-

щалась с Кимой и вышла за двери. Настроение после сеанса лепки улучшилось. Пожалуй, решение кардинально сменить обстановку и уехать за город действительно было верным.

Следующие два дня прошли медленно и расслабленно. Таня много гуляла — одна и с кошкой, собирала в туесок спелую землянику и чернику, притом ягод было так много, что немалую часть даров леса она просто оставляла на кухне. Зато стало понятно, как тётка Янина успевает ещё и за земляничкой бегать. Ей это было просто не нужно: ягоды и грибы приносили постояльцы. Некоторые опасались ходить в лес — несмотря на уверения Янины, что обработка от клещей регулярная и этих вредителей тут уже много лет никто не видел! — и ошипывали кусты голубики, росшие тут же, в усадьбе. Хороший сорт: крупная, сладкая. И ягод было много. Да у тётки Янины тут вообще было много всего! Казалось, воткни палку — и та на завтра зацветёт. Вот что значит — плодородная земля и хороший уход.

И как же вкусно было лакомиться молодой картошечкой с лисичками в сметане! А ещё Таня продолжала лепить глиняные фигурки. Медитативное занятие неожиданно увлекло. Таня взяла в мастерской у Кимы кусок глины и теперь после обеда, когда полуденное солнце становилось особенно жгучим, уходила с ним на дальний конец усадьбы, садилась в тени на лавку, выдолбленную из ствола какого-то дерева, и часами лепила, пока Феодора лежала в траве, едва заметно помахивая хвостом и провожая взглядом порхающих над

цветами бабочек. Кошке было жарко, кошка ленилась охотиться.

Таня слушала весёлый гомон работников, латавших крышу над одним из крыльев хозяйской усадьбы, наблюдала за ними и за постояльцами — и в её руках сами собой рождались фигурки. Вот пробежала та самая шустрая девчонка-помощница Янины, с волосами буро-серого цвета, и получилась уморительная крыска, стоящая на задних лапах. Вот худощавый блондин, то ли Баюн, то ли Баян, снимает очередное видео для соцсетей. И где он только интернет берёт, интересно? У Тани не то что интернет, даже сеть едва-едва ловила... Пока она размышляла над этой загадкой, из куска глины вышел хитрый котёнок с длинным хвостом и подобием планшета в лапах. А парочка постояльцев из девятого домика, кажется, Аня и Дима, превратилась в двух нежно прильнувших друг к другу неразлучников.

Таня восстанавливала себя по крупницам, заново учась дышать и чувствовать без оглядки на человека, который её предал, и к вечеру второго дня впервые задумалась: а она любила мужа по-настоящему, или же вместе их держала привычка? Симпатия — была. А вот любовь... Саша красиво ухаживал, казался надёжным, да и не сказать, что у Таниных дверей стояла толпа женихов. Она надеялась, что это ровное тихое пламя будет гореть долго, а оказалось... Оказалось, что семейных очагов у Саши было минимум два. И сейчас Тане было больно потому, что часть привычной и по-

нятной жизни, той, в которую она вложила столько эмоций, столько ожиданий, рухнула. И было неясно, удастся ли отстроить что-то новое на этих развалинах.

С другой стороны, Таня всё же была не одна. Родители, в доме которых всегда была открыта для неё дверь, друзья, готовые прийти на помощь. Феодора в конце концов! Словно почувствовав, что хозяйка думает о ней, кошка поднялась, запрыгнула на лавку, улеглась рядом и замурлыкала.

Пару раз во время прогулок по лесу Таня встречала парня по имени Сергей — того самого, который показался ей хмурым и неприветливым. Он работал в усадьбе, видимо, Янина наняла его на время подготовки к Купалью. Нелюдимый, резкий, он напоминал Тане молодого волка, который уже успел познакомиться с охотничьими капканами и теперь не доверял ни единой живой душе. Он лишь коротко кивал ей и стремительно исчезал среди деревьев с охапкой хвороста.

К Купалью усадьба преобразилась. На свежепокошенной лужайке появились огромные столы с охапками цветов, трав и мотками разноцветных лент, чтобы все желающие могли сплести венок. Девушки украшали цветочными гирляндами ворота, мужчины с утра таскали к реке брёвна и хворост для костров. Носились ряженные — Кима изображала кикимору, две молоденькие горничные — русалок, причём чешуя на их щеках серебрилась как настоящая. Из кухни тянуло свежим хлебом и пирогами. Таня не планировала идти на праздник,

но понемногу всеобщее веселье передалось и ей. Наверняка была виновата тётка Ягиня... в смысле, Янина, выбравшая в этот день образ настоящей лесной колдуньи. И даже изогнутая палка с бутафорским черепом на верхушке была при ней. Это она, Янина, словно между прочим, сказала, что в купальскую ночь можно сплести венок — и отпустить по реке вместе с ним всё плохое. Таня улыбнулась, но призадумалась. Поколебалась несколько мгновений — и села рядом с хозяйкой усадьбы плести свой венок.

Наконец стемнело. Оставив Феодору в домике, Таня надела белый сарафан, взяла тяжёлый венок из ромашек, васильков, зверобоя и горькой серебристой полыни и отправилась к реке. Кима, возникшая рядом точно ниоткуда, с улыбкой протянула ей витую восковую свечу и зажигалку, и исчезла так же незаметно, словно растворилась в густой тени.

На песчаном берегу вовсю веселились. Кто-то лез на столб за привязанным на верхушке призом, кто-то звонко хохотал. Пели песни. По тёмной речной глади уже плыли первые венки. Но Таня не хотела шума. Отчего-то казалось правильным отпустить венок — и прошлое вместе с ним — в одиночестве. Главное, чтобы он, такой тяжёлый, сумел уплыть, а не пошёл на дно, едва оказавшись в воде.

Таня ушла далеко в сторону, туда, где река делала крутой изгиб, прячась в тени плакучих ив. Зажгла фитиль, закрепила свечу в переплетении стеблей и аккуратно опустила венок в воду у самого берега. Тот покачался на волнах, но не

уплыл. Таня нагнулась, толкнула его ладонью. Огонёк свечи оскорблённо затрепетал, венок медленно и важно развернулся, но ни на сантиметр не сдвинулся, будто прошлое не желало отпускать Таню.

— Вот зараза какая, — пробормотала девушка. — Ну плыви уже!

Подобрала с земли веточку, вытянула руку и с силой оттолкнула венок, чтобы тот наконец попал в течение. В этот раз получилось! Свеча вспыхнула ярче, а венок вынесло на середину реки и повлекло дальше. Таня с облегчением выпрямилась, но сделала это слишком резко.

Влажная, глинистая земля под её кроссовками оказалась предательски скользкой. Короткий вскрик — и Таня кубарем полетела в темную речную воду. Глубина там была не такая уж большая, примерно по пояс — течение шло по другой стороне, но от неожиданности, холода и тяжести мгновенно намокшего сарафана, облепившего ноги, на Таню накатиł первобытный страх. Она беспомощно замахала руками, судорожно глотнула воздух, снова поскользнулась на илистом дне и едва не ушла под воду с головой.

В ту же секунду чьи-то мощные, невероятно сильные руки подхватили её под мышки. Одним легким, уверенным движением незнакомец вытащил её из реки и вынес на берег. Таня даже пикнуть не успела, как оказалась прижата к широкой, горячей груди.

Это был Сергей. Он нес её на руках бережно и легко, слов-

но она была не взрослой женщиной с фигурой повышенной округлости, а пушинкой. От него пахло кожей, дубовыми листьями и хвоей. Рядом с ним, в случайном объятии сильных рук, страх мгновенно испарился. Тане вдруг стало так безопасно и хорошо, как не было уже очень много лет.

Сергей аккуратно поставил её на траву под ивой, подхватил брошенную тут же тяжёлую кожаную куртку и накинул Тане на плечи.

— Испугалась? — негромко спросил он.

Голос его сейчас звучал удивительно мягко, с легкой хрипотцой, а глаза в темноте купальской ночи на миг показались Тане янтарными, словно у волка. Не иначе, от отблеска далёких костров.

— Немного, — честно призналась Таня, кутаясь в куртку, которая до сих пор хранила тепло его тела. — Спасибо тебе.

— Утопиться в Купалу — плохая идея, русалкой станешь, — как-то смущённо буркнул Сергей и вновь подхватил её на руки, пояснив коротко:

— Ещё снова поскользнёшься. Пойдём греться у огня, рыжая, а то заболеешь,

Остаток отдыха пролетел как один прекрасный, исцеляющий сон. Таня возвращалась в Минск совершенно другим человеком, дав Янине обещание обязательно приехать в усадьбу следующим летом. Щеки горели здоровым румянцем, глаза сияли, а в душе воцарился долгожданный штиль. Едва телефон поймал сеть, как тут же посыпались уведомле-

ния и смс. Уйма от Саши с других номеров — Таня узнала его тон по первым словам и удалила не читая, два — от адвоката, которому она доверила вести бракоразводный процесс. А ещё пришло сообщение в мессенджере с незнакомо-го российского номера. Писала московская Таня: *«Татьяна, здравствуйте. Я выставила его вещи в тот же вечер. По-даю на алименты. Надеюсь, вы его тоже не простили. Уда-чи вам, вы заслуживаете лучшего»*.

Таня грустно усмехнулась, глядя на экран. Бумеранг судь-бы сработал безупречно. Саша остался ни с чем — без двух любящих женщин, без уютного тыла, наедине со своими дву-мя паспортами и сим-картами.

Таня убрала телефон в сумочку, вытащила кусок глины и посмотрела в окно автобуса. Феодора дремала в перенос-ке на соседнем сидении. По стеклу мягко скользили блики июльского солнца, окрашивая мир в золотые тона. Она воз-вращалась в свой любимый цветочный салон, к родителям, к друзьям, к привычной жизни. А внутри жила непоколеби-мая уверенность: всё будет хорошо.

Сергей обещал приехать в Минск через пару дней и сра-зу позвонить. Таня не загадывала, выйдет ли что-то из этого знакомства, но отказываться от общения с мужчиной, кото-рый её спас, не собиралась. В конце концов, надо же было отдать ему фигурку волчка.

Пальцы уже привычно разминали глину, и, опустив взгляд, Таня увидела, что на этот раз в её руках рождается

новая птичка. С задорно поднятым хохолком и двумя крыльями, чуть приподнятыми, словно кругленькая пичуга собиралась взмахнуть ими — и взлететь. Жизнь продолжалась. Обновленная, чистая, полная надежды на настоящее, тихое счастье, которое никто и никогда больше не сможет у неё отнять.

Саша Уолш "Серый и солнце"

Я бегу по тёмному лесу. Мчусь, что есть сил, срывая жилы и выбивая из себя последний дух. Тело, словно чужое, ноги вязнут в рыхлой земле, а сердце под рёбрами колотит кузнечным молотом. Дикая чаща окружает, накрывая глухой и душной тишиной. Корявые черные ветки хватают за плечи, хлещут по морде, раздирают шкуру, и запах крови свербит в носу, сводит с ума, бесит всё сильнее. Ярость застилает глаза, толкает вперёд, не даёт остановиться. Я бегу, и мне снится, что я волк.

Темно. Трухлявые пни пахнут болотом и гнилью. Под ногами хлюпает влажный мох, а ночной холод пробирает до костей. Здесь нет солнца. Черные ветки смыкаются над головой, дыхание с хрипом рвётся из надорванных лёгких. Я гляжу вверх, и вдруг ноги не встречают опоры, сердце подпрыгивает к глотке. Я падаю в пустоту.

– Серый, ты чего?

Сергей вскинулся, фыркнул и открыл глаза, стряхивая остатки дурного сна. Машина ехала через лес, в солнечных лучах кружились пылинки. С водительского сиденья глядел Максим. Глаза испуганные, пальцы добела вцепились в руль.

– Плохо, что ли, тебе?

– Нет. Нормально всё, – буркнул Сергей и отвернулся к окну. – Херня приснилась.

– Ну, ты даешь. Хрипел так, будто у тебя инфаркт.

– Сам ты инфаркт. Рули давай.

– Рулю, не злись. Почти приехали.

Снова этот сон. Один и тот же. С самого детства – темнота, ярость, одиночество и никак не получается остановиться. Остается только бежать вперед. И падать в пустоту. Каждый раз.

Жизнь лупила Серегу от души. Как нелюбимого пса. Детский дом, институт, армия, бандитские разборки, сомнительные заработки, вечная погоня за чем-то недостижимым и неясным, от чего тосковало сердце, и по ночам хотелось выть. Ему везде было тошно. И везде он был словно не на своём месте.

Искал солнца в темноте, но так и не нашёл.

Психологи не могли помочь, как ни пытались. Ни терапия, ни таблетки не спасли, – темнота во снах и тоска наяву все равно догоняли. Женщины тоже не держались долго. Каждая из них мечтала изменить и прогнать под себя злое угрюмое чудовище, превратить его в домашнего котика. Но зверь скалил зубы и не хотел открывать свою душу милым принцессам. Принцессы обижались и уходили. Скатертью дорога.

Сергей глушил себя работой. Дурил, метался, пил чёр-

том, искал драки и беспамятства. Чёрного, глубокого. Такого, чтоб без сновидений. И в тот момент, когда он уже почти осознал блестящую идею выйти в окно с четырнадцатого этажа, в его жизни внезапно появился дед Трофим. И его внук Мелкий Макс.

Трофиму на вид было лет сто, но жизнелюбие и ехидство нестигаемого хрыча всё ещё могли прошибать бетон. Низкорослый коренастый старикан с аккуратной лопаткой седой бороды и лукавым взглядом жил в том же подъезде, что и Сергей. Встречались они редко, но дедок всегда вежливо и по-доброму здоровался, спрашивал о делах и со своими обычными шуточками рассказывал какие-нибудь незначительные новости. Сергей никогда не отвечал. Дед ему нравился.

И вот однажды им пришлось познакомиться чуть ближе. Это случилось зимним вечером. Сергей шёл с работы своей обычной тропой, через дворы и гаражи. Фонари едва дышали, и толку от них было меньше, чем от тусклых звёзд на небе. Он бесшумно свернул в подворотню к дому и тут же услышал глухую возню у стены. Серый всегда на удивление хорошо видел в темноте и сейчас без труда различал детали. Три залётных молодца бандитской наружности припёрли к стене деда Трофима. Сорвали с головы кепку, испортили старенькое клетчатое пальто, оборвав карманы и воротник. Неизвестно, чего они хотели, вытрясти из деда мелочь или

просто позабавиться – Сергей выяснять не стал. Он просто глянул на бледное испуганное лицо Трофима, и всё случилось само собой. Что-то шевельнулось в душе, огромное и хищное, приподнялась шерсть на загривке, и Сергей молча напал на людей. Без предупреждения. Без единого звука. Со спины.

Он переломал их, как кукол, вымещая на людском отребье всю свою ярость и душевную пустоту. А когда те, спотыкаясь и прихрамывая, убрались прочь, поднял с земли Трофима, отряхнул его дурацкое пальто и хрипло каркнул:

– Ты как, дед? Живой?

– Живой-живой. Одежину испортили только и картошку из сетки раскидали, ироды окаянные.

Так и началась их дружба.

В тот же вечер надоедливый старикан притащил скворчащую жареную картоху с салом и золотистым лучком, прямо в сковороде. «С пылу с жару, чтобы почтить избавителя». Серый такого вмешательства в личное пространство не вынес и деда сразу выставил за дверь, но картошку всё же съел. И показалось ему, что он в жизни ничего вкуснее не ел. Аж слёзы на глаза навернулись.

А вскоре незваного друга было уже не вышвырнуть. Заходил на кухню, глядел с хитрой улыбкой, спрашивал о делах, ставил на стол вареники с творогом или запеканку с колбасой и солёными огурчиками. И словно тут ему было и место. А чуть позже привёл и своего внука-студента, Мелкого Мак-

са, вихрастого молодого паренька с ясными голубыми глазами. Максим был искренним и веселым, одевался по дурацкой молодёжной моде, прилежно учился и из любой ерунды развивал бурную хозяйственную деятельность.

Сергей заметил, что после их с дедом ухода загадочным образом переставал подтекать кран в ванной, куда-то девался мусор, отыскивались потерянные ключи, и переставала мигать лампочка в коридоре. Сергей даже не пытался понять это, просто обречённо принял их обоих, как есть. Со всеми странностями.

А через полгода, когда наступил жаркий и душный июль, Серый затосковал. Взял отпуск, купил на все деньги беленькой и пил без закуски, с хмурым видом созерцая грязный угол маленькой кухни. Хотел захлебнуться своим отчаянием насмерть, но у деда Трофима, видать, были другие планы.

Он ворвался в квартиру, как броненосец Потёмкин – неудержимый и грозный. Оглядел серую от запоя комнату, словно поле битвы, цыкнул зубом и вдруг принялся скидывать Серёгины небогатые пожитки в дорожную сумку, будто собрался тотчас же выселить похмельного соседа из дома.

– Дед, ты чего, обалдел? Оставь вещи в покое. – Серый оторопело завозился, поднимаясь с дивана. – Ты вообще, как в квартиру зашёл? Дверь же закрыта. Штаны мои на место положил быстро!

– Порычи-порычи, быстрее протрезвеешь, – мурлыкал

под нос старикан, закидывая в сумку носки и зубную щётку из ванной.

– Взбесился что ли? Ты чего завёлся? Нормально же всё было...

– Да ничего не было нормально, Серёжа. – Трофим остановился на секунду и с печальным видом покачал головой. – Как хочешь, а я не стану больше глядеть, как ты себя в могилу закапываешь.

– Так не гляди, чёрт тебя... – мгновенно взбесился Сергей. – Выйди и дверь закрой, я тебя сюда не звал!

– А и не буду глядеть, – спокойно ответил Трофим. – Но и уходить не стану. Помощь тебе нужна.

– Свали нафиг. Помощник. У меня всё под контролем.

– Да смотрел я уже на твой контроль с января месяца. И скажу прямо: недолго тебе осталось, Серёженька. Как жил дураком, так и помрёшь.

Серый помолчал пару мгновений, уж больно спокойно и жутко прозвучали эти слова. Но потом ощерился коротко и зло:

– И что? Кому нужна такая жизнь? Немного потеряю.

Трофим огладил седую бороду, в задумчивости водя ладонью по краю стола. А потом с нажимом ответил:

– Я знаю, что у тебя к жизни много вопросов. И не предлагаю тебе дальше волочиться в этой пустоте. Ответы тебе нужны. Всамделишные. И я знаю, где их взять.

И вот теперь Мелкий Макс крутил баранку старого дедовского Москвича, а Сергей глядел в окно и поражался, как он позволил Трофиму уговорить себя на эту чушь. Дед сказал, что самые важные ответы не дадут ему ни психологи, ни водка, ни работа на трех работах. Ответы таятся внутри, в самой тёмной глубине сердца. Но чтобы заставить сердце раскрыться, нужно найти верное место. Подходящее.

«И такое местечко имеется. Недалеко отсюда, всего полдня пути машинного ходу. Там в лесу стоит одна усадьба, где хозяйствует старая моя знакомая. Поди, поклонись ей. Она женщина мудрости великой. Подскажет, как быть с твоей бедой. Ежели она не научит, то уже ничто тебе не поможет», – сказал Трофим и пихнул в руки Сергея дорожную сумку со всеми его нехитрыми вещичками. Бродягой был, бродягой и остался. Всё, что имел – поместилось в одной сумке.

Серый вздохнул и покорился. Терять всё равно было уже нечего. А про себя решил, что в поездке есть и плюс. Хоть на один день избавится от надоедливового хрыча с его столетней философией и мудрыми советами.

Машина вывернула через лес к воде и остановилась.

– Ну, приехали, – Максим уверенно ткнул пальцем вперед. – Вон и усадьба впереди.

Сергей пригляделся и нахмурился.

– Уверен, что правильно приехали? Трофим говорил, усадьба называется «У Янины». А тут какая-то... Ягиня или

чёрт разбери...

– Да, всё точно, как дед сказал. Место правильное. Не волнуйся.

– А похоже, что я волнуюсь?

– Ну, немного.

Сергей молча открыл дверь и резко вырвался на волю. Вдохнул полной грудью раз, второй, и застыл, оглушённый запахами и звуками летнего леса.

– Удачи, Серый.

За спиной хлопнула дверца Москвича, и машина осторожно сдала задом. Но Сергей уже не слышал. Он замер на месте и никак не мог надышаться. Всё вокруг благоухало тем разгоряченным влажным зноем, который бывает в белорусском лесу в жаркую пору июля. Пахло хвоей, дубовыми листьями, пышной и богатой землёй. От воды доносился плеск спокойных волн и легкий запах кострового дымка. Здесь жили люди.

Серый закинул на плечо дорожную сумку и пошёл вперёд, настороженно оглядываясь по сторонам. В глубине близкой чащи что-то шуршало, скрипело и пищало. Она дышала, словно живая. Это не пугало, а напротив – манило взглянуть поближе, узнать, что там, за этими деревьями. Но Сергей только мотнул головой, отгоняя лишние мысли, и пошел дальше по тропе. И вскоре впереди во всём своём сказочном великолепии раскинулась усадьба. Большой деревянный дом стоял здесь, словно от сотворения мира. А вокруг, как

цыплята под боком наседки, ютились домишки поменьше. Повсюду сустились люди, работа кипела – перестук топоров, вжиканье пилы и негромкий смех – здесь явно к чему-то готовились. Никто не обратил на чужака внимания.

Сергей медленно миновал подворье, подошел к крыльцу главного дома и огляделся, пытаясь понять, где искать хозяйку. Здесь ли она вообще, и станет ли в такой суете слушать бродягу, который явился к ней с дурацкими вопросами. Всё это было ужасно глупо, но раз уж он сюда притащился, то отступать уже не станет. Да и некуда отступать. Только упасть в пустоту. Серый шагнул на ступеньку крыльца, и вдруг замер, услышав за спиной страдающий женский голос:

– Ну что ж ты творишь, пустоголовый ты мой! Ровней держи, пожалуйста, вывернешь же сейчас! Ай, да чтоб тебя! Сил моих нет, помощнички окаянные...

Сокрушённо чертыхаясь, из-за угла дома к крыльцу скорым шагом вышла женщина с метлой в руках. На ней были светлые летние джинсы, футболка с ярким принтом и клетчатая рубашка, повязанная на поясе. На груди связка бус, а в глазах – отчаяние и вселенская печаль. Не иначе как сама хозяйка усадьбы.

Прислонив метлу к крыльцу, она с хитрым прищуромглянула на Сергея. Метнула взглядом, будто обмерила с головы до ног – по широкоплечей его фигуре, по взъерошенным тёмным волосам, чёрной одежде и потёртой дорожной сумке на плече. Среди всего местного яркого уюта он стоял, как

обгорелый мрачный столб. Но хозяйка и бровью не повела, только улыбнулась лукаво и без тени боязни тронула гостя за локоть:

– Ну что, касатик мой, стоишь? Каким ветром тебя надуло сюда, расскажи бабушке.

Сказала, а сама присела на верхнюю ступеньку крыльца, сняла с ноги кроссовок и вытряхнула изнутри мелкий камушек.

– Бабушке? – оторопел Сергей. – Да тебе лет сорок пять, не больше.

– Ах ты ж, бес невоспитанный! От он, нашёлся, жгентельмен. Девичьи годы считать удумал. Что за день такой сегодня! В кого ни плюнь, каждый обидеть норовит.

Серый тут же ошетинился.

– Если б хотел обидеть, ты б узнала, поверь.

Хозяйка махнула на него рукой и принялась надевать кроссовок обратно.

– Верю-верю... Ладно. Дикой ты, вижу и без очков. Сказывай, зачем явился. Никак на купальскую ночь приехал погостить? Папоротников цвет отыскать или любви истинной? Или просто бездельем маешься, и душа отдыха просит?

– Не надо мне папоротников. И любви тоже не надо...

– Ой-ой, ну вы посмотрите. Не надо ему... – искренне рассмеелась хозяйка.

– Тебя Яниной звать? Твоя усадьба?

– Люди Яниной зовут, угадал, – лукаво прищурилась хо-

зьяйка.

– Меня сюда прислал дед, Трофим Егорыч.

– Трофимка? – усмехнулась Янина. – Ох шельмец. А чего ж он сам не явился? Хотя, не отвечай, – хозяйка подперла щёку кулачком. – Домовые, они все такие. По молодости ещё шастают, а уж как остепенятся, так из дома не вытянешь.

– Кто? – не понял Серый. Нахмурился, думал, что ослышался.

Но женщина уже махнула рукой и с интересом взглянула на гостя:

– Так и зачем Трофим тебя прислал?

Сергей помялся, вздохнул тяжело, а потом неловко и коротко поклонился.

– Сказал, что ты женщина большой мудрости. И что только ты сможешь помочь.

– Ай, и кланяться велел? Да мой же ты соколик острозубый. Видать, крепко тебя прижало, раз спину гнешь.

Серый не ответил. Смотрел тяжело и мрачно.

– Ладно, не зыркай так, а то дыру мне во лбу пропалишь.

Мимо крыльца к реке прошли две девушки. Они тихонько шептались между собой, но увидев хозяйку, заулыбались и приветливо помахали. Янина тоже махнула в ответ, а потом поднялась со ступеньки и кивнула на дверь:

– Пойдём в дом. Там потише, и поговорить сподручнее. Без лишних ушей.

Внутри пахло вкусной едой, хвоей и чем-то тёплым, домашним. Сергей шагнул через порог и словно окунулся в другой мир. Всё здесь дышало уютом и какой-то таинственной и простой красотой. Под ногами яркий плетёный половик явно ручной работы, вышитые с любовью занавески на окнах, лоскутные подушки на креслах и лавках, на дубовых полках по стенам - банки с травами и высушенными цветами. Сергей узнал только ромашку.

А хозяйка уже провела гостя к уютному уголку в большой столовой на первом этаже. Здесь, видимо, обедали все гости усадьбы, но сейчас тут было безлюдно.

Янина едва повернулась, и уже откуда ни возьмись, на столе появился большущий пузатый чайник, чашки с блюдцами, расписанные конями и цветами. И пышные румяные пирожки на тарелочке.

– Садись, миленький. Чаю выпей, пирожка съешь с до-
рожки.

– Спасибо, не голодный.

– А ну-ка сядь и ешь...

И вроде бы спокойно сказала, негромко, но у Сергея ноги словно подкосились, и он тут же опустился на лавку. Волосы на затылке шевельнулись, а сердце заколотилось тревожно. Он мотнул головой, нахмурился, а хозяйка уже ворковала, разливая по чашкам ароматный свежий чай.

– Уж не побрезгуй, сокол ты мой серый. Отведай пирожка. Не годится начинать серьёзный разговор, не преломив хле-

бушка.

Говорила, будто ребёнка уговаривала, а у самой взгляд внимательный и цепкий. Словно она всего Серого видела насквозь и на три метра под ним, прямо в душу глядела.

И Сергей покорился. Шевельнул ноздрями, вдыхая удивительный яркий аромат чая. Пахло лесом, ягодами, цветами, и ещё чем-то сладким и душистым. Он осторожно поднял расписную чашку и сделал глоток. А потом откусил хрустящий золотистый пирожок и замер. Ничего вкуснее в жизни не ел. Почудилось вдруг, что он, и правда, в лесу. Но не в своём обычном, чёрном и беспросветном, который привык видеть всю жизнь во снах. А совсем в другом, живом, приветливом и ярком. Уютном и теплом, словно родной дом.

Из забытья Серого выдернул голос Янины.

– Ну как? Понравился пирожок-то?

– Не разобрал, – честно ответил Сергей и вздохнул.

– Ну ладно. Рассказывай про своё горе, а то, вижу, оно тебе аж на зубах вязнет, – смиростивилась хозяйка и придвинула к себе чашку.

А Сергей не знал с чего начать. Тётка не была похожа на всех психологов, которых он встречал в своей жизни. И как описать свои терзания, он представлял смутно. Но попытался.

– У меня с детства один и тот же сон. Постоянно. Будто я бегу по лесу. И будто я волк...

Серый ждал чего угодно, но только не этого. Янина вдруг

весело и насмешливо расхохоталась. А потом поглядела, словно на дурака:

– Так ты ж и есть волк.

Тишина в комнате повисла гробовая, непрошибаемая. Только грустно и надрывно журчал в углу сверчок. Сергей едва мог справиться с лицом, чтобы удержать хоть видимость спокойствия. Но с каждой секундой ярость в его душе пылала всё сильнее. «Придурок, на что только надеялся», – сквозила в голове единственная мысль.

– Так ты не знал... – Янина вдруг совсем по-другому поглядела на гостя.

И этого неприкрытого сочувствия в её взгляде он не выдержал. Поднялся, ощерился коротко, и кивнул хозяйке:

– За чай спасибо. До свидания. Дурдом грёбаный...

– А ну-ка цыц! Стой, где стоишь! – прикрикнула вдруг Янина и хлопнула ладонью по столу.

И голос у неё вмиг стал грозным и гулким, будто эхо. Таким, что чашки жалобно звякнули на столе, а Сергея прошибло до самых потрохов. Он замер, ошалело глядя на хозяйку, по спине поползли мурашки, и шерсть на загривке встала дыбом. Он не мог сдвинуться с места, слова застряли в глотке. Только стоял и глядел на ведьму дикими глазами. А хозяйка привстала, наклонилась вперед, почти вплотную, нос к носу, разглядывая своего гостя. Сергею показалось, что она принюхивается. А потом качнула головой и вздохнула тяжело, как над непутевым дитём, что явился в дом, по уши

перемазавшись в грязи.

– Ну ладно тебе, соколики, отомри уже...

И Серого тут же отпустило. Рухнул на стул как срубленный, но лютого взгляда с хозяйки не сводил. А она снова усе-
лась напротив, скрестив на груди руки.

– Не держи зла. Осерчала бабушка, это бывает. Понимаю
теперь, почему Трофим тебя ко мне прислал. Сам он такого
дикого чёрта удержать не в силах. Ну, ничего. И не таких
научивали. Кому ученье через голову доходит, а кому и через
иное место – каждый сам себе выбирает.

Сергей молчал, слова доходили, будто через туман. Каж-
дое слово по отдельности было понятно, а вот смысл не скла-
дывался. А хозяйка продолжала:

– Натура твоя не так уж глубоко зарыта. Только тронь, тут
же наружу лезет. Но больно ты привык мозгами думать и на-
деяться на них. А надо научиться сердцем чувствовать. Тогда всё
на свои места встанет. Тебе сейчас кажется, что я чушь горо-
дить вздумала, бредом сумасшедшей тётки пахнет, правда?

– Правда, – хрипло и резко ответил Серый.

– Но ещё пахнет тем, что выбора у тебя нет. Либо ко мне.
Либо в гроб.

Гость молчал упорно, и Янина усмехнулась:

– В гроб-то всегда успеешь, это самое лёгкое. А вот ты
попробуй пересилить себя и понять, кто ты есть на самом
деле.

– За всю жизнь не понял.

– Тю, и сколько той жизни было-то?

– Тридцать пять лет.

Янина опять подперла щеку кулачком:

– Ой, да молоденький какой, сопливенький...

– Мать, не бузи.

– Ладно-ладно, не рычи. Знаешь что, я твоему горю помогу. Наставлю на пусть истинный и уму разуму научу. – Хозяйка прищурилась и в упор глянула на Сергея. – Но с одним условием.

– С каким условием?

– Поработай на меня, волчонок. Три дня и три ночи походи в услужении. Выполняй всё, что велю, без запинки. А когда минет Купальская ночь, станешь свободен.

– Говоришь, как Баба-Яга.

Янина ухмыльнулась лукаво, снова наклонилась вперед, словно заговорщица, и тихонько шепнула:

– Ну что? Согласен?

Серый смотрел ей в глаза. Понимал, что это самое тупое решение в его жизни, но остановиться не мог. Пусть всё в усадьбе, и вправду, походило на дурдом. Но эта странная тётка первая из всех в мире людей не удивилась тому, что он сказал. Не глядела осуждающе или испуганно. Не давала советов, как проработать эту метафору с волком. Потому что это была никакая не метафора. Янина видела то же, что и он сам. И знала гораздо больше, чем говорила сейчас. Да и звали её совсем не Янина.

– Согласен.

– Вот и славно, – вмиг повеселела хозяйка и ухватила гостя под локоть. – Идём, работничек. Покажу тебе новый дом.

Всё это место было пропитано теплом и мягким уютом. Мешались вокруг запахи свежих досок, скошенной травы, вкусного мясного супа и легкого дымка. Слышались весёлые голоса работников, которые готовили усадьбу к празднованию Купалы. Стучал топор, шуршали тенты будущих беседок, у стены соседнего дома вздорили коты. Ноги утопали в мягкой траве, и пронзительно пахло последней в этой году земляникой.

В одном из домиков для персонала нашлась свободная кровать. Новый работник едва успел скинуть с плеча куртку и дорожную сумку, как его унесло в круговорот неотложных задач. В подготовке к большому празднику лишних рук не бывает. Поставить навесы, перетянуть тяжеленные жаровни, подвести временное освещение и просто наколоть дров – для всего этого Сергей годился как нельзя лучше.

В душу ему не лезли, с расспросами не приставали. Видать, у каждого тут были свои собственные волки внутри. Но ужинать сели все вместе.

Кормили хорошо и вкусно. От души. Густой наваристый суп разливали из огромного глиняного горшка в миски, разрисованные волшебными зверями и чудесными узорами. Большие куски мяса плавали в жирном бульоне, как корабли

в золотом море. Все это присыпали сверху зелёным лучком и рубленой петрушкой. Аромат стоял такой крепкий и яркий, что рот сам по себе наполнялся слюной. Сергей понял вдруг, что зверски голоден. Поэтому просто подвинул свою расписную миску ближе и принялся есть, молча, опустив голову и ни на кого не глядя. Мясо оказалось таким вкусным, что Серый, невольно разок даже заворчал от удовольствия. А когда поднял голову от пустой тарелки, увидел, что некоторые девушки смотрят на него с умилением.

– Голодный? – усмехнулась хозяйка.

– Как волк... – буркнул он в ответ и коротко облизнулся.

После супа подавали жареных молодых карасиков в сметане с печеной картошечкой, вареники, начинённые грибочками, и царь-пирог курник – огромный как дом, сказочно красивый и весь золотистый от жаркого печного духа. Запах от угощений стоял небывалый. Самый настоящий пир заката хозяйка лесной усадьбы.

А после ужина все сидели у костра на бревнышках. Болтали и смеялись, рассказывали о жизни и травили байки, где границы между реальностью и вымыслом казались слишком тонкими. И Сергей подумал вдруг, что в этом волшебном месте посреди леса никогда не появится ничто дурное и страшное. Будто что-то могучее и сильное охраняло усадьбу от тяжёлых будней людского мира. Он сидел у огня молча, не проронив ни слова, но здесь вечному бродяге было так уютно и тепло, словно кто-то, наконец, показал ему настоящий дом.

И впервые за всю жизнь Серый спал всю ночь без сновидений. Спокойным и глубоким сном.

И ещё два дня Сергей провел в усадьбе на месте простого рабочего. Хозяйка управляла строго, но справедливо. Работой не загоняла насмерть, но и расслабляться не давала. Кормила от души. А уж красота вокруг стояла неопиcуемая. Что может быть чудеснее старого летнего леса в канун Ивана Купалы?

А в один из таких дней Серый увидел солнце. Рыжее и ослепительно-яркое. Девушка шла по высокой траве вдоль берега реки. Одета в что-то лёгкое, нежно-зелёное, окруженная золотисто-медовым светом, она казалась невесомым видением. Он засмотрелся, щурясь и пытаясь издали разоб-
раться лицо, но его вдруг кто-то окликнул, попросил топор, потом рулетку и уровень. А когда Сергей оглянулся, солнце уже исчезло. После он невольно искал взглядом огненные отблески её волос среди гостей усадьбы, а когда встречал, то сердце в груди каждый раз пропускало удар. Она была совсем не похожа на всех других, от нее веяло теплом.

Однажды им даже удалось поговорить, когда на колени Серому влезла её кошка – наглая красотка Феодора. Но разговор получился совсем коротким, потому что рабочему персоналу засиживаться и прохлаждаться было некогда – хозяйка гоняла своих работничков всё сильнее с каждым днём. До волшебной ночи оставалось совсем немного времени.

– Вы чего тут расселись, как гуси под плетнём? Если на купальские костры не будет хвороста, я вас всех изжарю и съем!

– Мать, там уже три кургана выше твоего роста сложены...

– А ну-ка не перечить! Брысь в лес, и идите поглубже.

– Там хворост жирнее что ли?

– А ты, Серый, говорить, что ли, научился за три дня? Гляжу, рот прям не закрывается. Ступайте уже, а то сейчас за метлу возьмусь!

Перечить было опрометчиво – хозяйка шутить не любила и вправду могла отходить метлой. Так что работнички без лишних вздохов снова отправились в лес. Хворосту для растопки купальских костров нужно было набрать как можно больше – лишним не окажется, сгорит всё до последней былинки. Поэтому парни по трое раз за разом ходили в лес, собирали огромные охапки тонких сухих веток и, нагрузившись будто муравьи, тащили добычу к усадьбе.

За последние пару дней почти весь хворост вблизи усадьбы уже подобрали. Оставалось по завету хозяйки идти дальше, забираясь всё глубже в чащу. А там начинался совсем старый лес. С каждым шагом деревья становились выше, кора более бугристой, а могучие корни выпирали из-под земли так сильно, что через них едва можно было перешагнуть. Длинные бороды мха свисали с толстых ветвей, жирные хвощи и пышные папоротники поднимались до самого пояса,

огромные старые коряги таились в тених тут и там, очертаниями напоминая странных животных. Где-то вдалеке размеренно и одиноко постукивал дятел. В кронах деревьев-исполинов шуршали шустрые белки и птицы. Здесь пахло влажными моховыми кочками, прелой листвой и сладкой малиной.

– Серый, давай поворачивать. Далеко уже зашли.

Сергей вздрогнул и оглянулся. Два его спутника пыхтели под огромными связками хвороста. Больше им уже не унести.

– Идите. Я догоню.

Они кивнули в ответ и развернулись к дому. А Сергей вдохнул чуть глубже и медленно шагнул в чащу. Лес казался ему чем-то особенным. Словно он был цельным, живым. Почти одушевленным. Все запахи здесь казались острее, а звуки громче. Серый как будто слышал само дыхание этого леса – в шелесте листвы над головой, в скрипе тяжелых ветвей, в шорохе прошлогодней травы, беличьим стрекотанием и хохоте сорок. Всё дышало и жило в едином ритме.

И он побежал. Сначала медленно, осторожно перескакивая через коряги и пригибаясь под тяжелыми ветками. А потом всё быстрее. Дыхание выравнилось, сердце стучало мощно и сильно. Ноги легко пружинили на сочных моховых кочках. И лес раскрывался навстречу, живыми запахами и звуками, глубоким хвойным цветом, сладостью спелого малинника и ярким грибным духом. Всё обострилось в созна-

нии, стало четким и ясным. Кладнули острые белые зубы, могучие лапы уперлись в землю, уши чутко ловили каждый шорох, а темный влажный нос чуял всю чащу насквозь, от самых корней до высоких макушек.

Это было так естественно, что Серый даже не удивился. Просто остановился на широкой поляне, пронизанной лучами света и сел в густой траве, посреди боровиков, черники и молодой дубовой поросли. А через мгновение деревья на краю поляны закачались, раздвинулись, и из тёмной глубины чащи вышел огромный леший. Он был похож на большущую замшелую корягу, обросшую кустами, грибами и папоротниками. Длинные узловатые руки доставали до земли. Одет леший был в длинные моховые бороды, которые укрывали его, словно шуба. Повсюду на его плечах, на голове и на груди сновала всякая лесная мелочь — древесные лягушечки, пушистые паучки, деловые улитки. А в длинных зеленых волосах роились светлячки и трепетали яркие шелковые ленты.

Волк вздрогнул, прижал уши и, вздыбив шерсть на загривке, коротко и глухо зарычал. Но лесной хозяин примирительно махнул длиннопалой рукой и проскрипел:

– Полно, ребенок, не ворчи. Не обижу сироту.

Серый тяжело и затравленно дышал, но с места не двигался. Только смотрел, как приближается обманчиво медлительная фигура лешего. Шаг, другой, и вот владыка чащи наклонился над волком, заглянул ему в глаза. Прямо в душу. В этот миг вся жизнь пронеслась перед глазами, будто вспыш-

ками мелькали воспоминания из тягот детского дома. Голод и злость, лютое и невыносимое одиночество. Чужие холодные лица людей вокруг. Его кормили мясом, когда он хотел молока. Его били, когда он хотел тепла. Его запирали, когда он хотел свободы. И он до сих пор остался таким – избитым и запертым зверем, который не ждет, что кто-то отыщет для него любви и внимания.

«Я хочу остаться здесь навсегда, – подумал Волк. – Здесь, в твоих лесах, я свободен».

– Нет, ребёнок. Я здесь для того, чтобы не дать тебе остаться зверем. Волком быть несложно. Человеком быть – вот настоящая задача.

«Не хочу быть человеком, – зарычал Волк. – Я устал. Мне больно. Мне холодно и темно...».

– Если тебе темно и холодно, отыщи солнце.

«Его нигде нет».

– Есть, конечно. Намного ближе, чем ты думаешь.

Волк молчал. Угрюмо и зло смотрел на хозяина леса. Не верил. И тогда леший снова заглянул в глаза зверю и прокрипел:

– Сегодня я не властен над тобой. Ты все еще принадлежишь Яге. Но после Купальской ночи, если не передумаешь. Приходи. В моём доме найдётся место ещё одному волку. А теперь беги. Скоро зажгут костры.

Леший протянул длинную мшистую руку и слегка щелкнул волка по лбу. И вмиг перевернулся мир. Выкрутился на-

изнанку. Небо поменялось местами с землей. На секунду перехватило дыхание, а потом Серый поднялся на ноги. Одернул на плечах куртку и судорожно поёжился. На поляне перед ним из земли торчала огромная замшелая коряга, на которой проросли крохотные опята.

Серый бежал через лес, без ошибки определяя направление. Среди деревьев уже было совсем темно, но это не мешало – он видел каждую травинку в ночной чаще. Сергей вышел к озеру, когда костры уже горели. Высокое пламя прыгало и гудело, швыряя в тёмное небо ослепительные снопы искр. Люди кружились и веселились, играла музыка, шелестели яркие ленты на высоком колесе, смешливые девчонки в белых рубашках играли в ручеёк и заплетали венки.

Волк шёл к берегу меж нарядных весёлых людей, словно черный линкор среди цветущих берегов. От воды тянуло прохладой, пахло ряской и кувшинками, а голосистый хор лягушек неумолчным гомоном летел к ярким звездам. Серый скинул куртку, хотел присесть у воды. В голове всё ещё звучали слова лешего. Если не передумаешь после купальской ночи... да что вообще может его заставить передумать?

– Ах!

Сбоку, за осокой, послышался испуганный девичий вскрик и шумный плеск. Потом кто-то судорожно вдохнул и закашлялся, пытаясь не хлебнуть ещё воды.

– Чёрт... – рыкнул Серый, в два шага добрался до кромки

берега и без задержки прыгнул в воду.

Нашел девушку, которая отчаянно барахталась, пытаясь выплыть, подхватил одной рукой, крепко прижимая к себе.

– Всё, тише. Не бойся. Я здесь.

Мельком коснулся носом её волос. От неё пахло чем-то знакомым, тёплым, приятно сладким, словно нежными цветами. Второй рукой в два мощных гребка дотянул их обоих до берега. Дно озера у кромки воды скользкое, илистое, поэтому девушку Серый не выпускал – не вырвалась бы, даже если захотела. Но она не вырывалась. Мокрая насквозь, дрожала осиновым листом, но её запах почему-то тревожил волка всё сильнее. Он фыркнул, нахмурился, развернул свою спасённую к свету. И, наконец, увидел солнце.

Это и правда была она. Таня. Девушка, которая одним взглядом заставляла Серого спотыкаться на полном ходу. От её улыбки вмиг становилось тепло на душе. А когда она хмурилась, то волк внутри него горбился дикой тварью, искал выхода и слепо жаждал расправы над виновными.

«Гораздо ближе, чем ты думаешь», – шепнул леший.

– Утопиться в Купалу – плохая идея. Русалкой станешь, – буркнул волк и вынес девушку на берег.

Он завернул Таню в свою куртку, чтобы не продрогла на ночном ветру, а потом легко поднял на руки и понес к костру. Греть. И вся его дикая природа без сомнений кричала в этот миг: «Моё солнце. Никому не отдам».

А вокруг вился длинный веселый хоровод, полыхали костры и неслись к небу купальские песни. Рекой лились квас и пиво, угощениям не было числа. Парочки в травяных венках прыгали через огонь. Очищенные и осмелевшие, целовались на той стороне и горели жаркой свободой волшебной ночи.

А где-то у большого костра, лукаво улыбнулась Яга. Волшебство купальской ночи соединило ещё два одиноких сердца. Навсегда.

Дарья Никончук

"Голубика счастья"

Дима дул на свой кофе, хотя тот давно остыл, пристально рассматривая чашку, лишь бы не пересекаться взглядами с сидящей напротив женой. Аня в это время сражалась с омлетом, кусочки которого вместе с помидорами и оливками наровили соскользнуть с вилки, разваливаясь на глазах. В конце концов она сдалась и оставила половину завтрака на тарелке. Рядом сложила приборы, вытерла салфеткой губы и принялась изучать рисунки на стенах кафе, будто была здесь впервые.

Подобно неудавшемуся омлету, разваливались их отношения, хотя за плечами были 12 лет брака. Не сказать, что все эти годы получились какими-то плохими или же, наоборот, очень счастливыми, а только сейчас проблемы стали вылезать наружу. Нет. Бывало по-разному, как и у всех. Дорога семейной жизни была и гладкой, и с ухабами, однако справлялись. Теперь же оба пришли к выводу, что заехали в тупик. Может, недопонимание копилось годами, а может, всё произошло этим летом. Гадать сейчас абсолютно не хотелось. Супруги желали покончить с завтраком и приступить к обсуждению темы развода, но оба почему-то тянули время.

— Кажется, блинчики с ветчиной и сыром в этот раз у них

удались, – вдруг проронил Дима, кивнув в сторону своей пустой тарелки. – А тебе, вижу, омлет не понравился?

– Нормальный, просто я не слишком голодна, – вновь по мелочи соврала Аня, как делала в последнее время довольно часто.

Снова повисла неловкая пауза. Утром в кафе не было других посетителей, тишину нарушала лишь негромкая музыка, непрерывно льющаяся из колонок под потолком. Вот уже несколько лет супруги заглядывали сюда по субботам, чтобы завернуть обычный завтрак в атмосферу романтики и торжества. В домашней обстановке так не получалось. Да, и в будни Аня рано убегала на работу, это Дима был программистом на удалёнке, поэтому мог позволить себе более неспешный ритм жизни. Хм, и здесь они не совпадали. Однако идея праздничных вылазок в общий выходной, на которые возлагались большие надежды, тоже ничем не помогла. Не добавила положительных эмоций, не притянула ближе два сердца, не уменьшила ворох разочарований. Хотя, естественно, в свои 25 и 28 лет, когда Анна и Дмитрий только вступали в этот брак, были безоговорочно очарованы друг другом. Куда же всё подевалось? Куда испарилось? Почему место счастья заняло раздражение? Они и сами искали ответы на эти и ещё многие другие вопросы, однако все поиски до сих пор не увенчались успехом.

– Может быть, десерт? – вновь попытался разрядить обстановку мужчина.

– Пожалуй, я бы не отказалась от клубничного чизкейка,
– выдавила из себя улыбку жена.

Казалось, у них даже не осталось общих тем для разговоров. В свободное время Дима сам уезжал на рыбалку, а Аня садилась на балконе и рисовала. Как она любила замечать, это помогает разгрузить её вечно гудящую от повседневных задач голову финансиста. Анна была отличным специалистом, но работу свою не любила. Просто ответственно выполняли всё, что от неё требовалось, но ни в коем случае не вкладывала в эти бездушные цифры частичку себя. И уже слишком давно мечтала об отдыхе. Да, с понедельника начнётся двухнедельный отпуск, но, похоже, придётся потратить его на неприятные дела, касающиеся расторжения брака.

– М-м-м, чизкейк потрясающий, а какая сочная клубника! – призналась женщина. – Помню, как в детстве бабушка давала задание прополоть с ней несколько грядок на своём огороде, а потом обязательно разрешала мне съесть целую миску этой вкусной спелой ягоды. Я любила вместе с сахаром и сметаной. Настоящий вкус счастья!

– Когда я был маленьким, мы обязательно летом с семьёй отправлялись в лес за черникой, – тоже погрузился в воспоминания Дмитрий. – Ох, меня всегда страшно кусали комары, никакое средство не спасало! Но собирать чернику нравилось – наверное, я больше съедал, потому что мои баночки наполнялись ягодами медленнее всех. Потом всё фиолетовое: и язык, и руки, и одежда.

Давно у них не было таких приятных бесед, поэтому даже не заметили, как к столику со стандартным вопросом подошёл официант «будете оплачивать картой или наличными?». Выбрав первое, Дмитрий полез в карман за портмоне. Будто живое, оно вдруг выскользнуло из рук и приземлилось у ножки стула. Мужчина нагнулся за ним, но тут внимание привлекла яркая рекламная листовка, оказавшаяся рядом с проворным портмоне. Дима расплатился за завтрак, а затем принялся изучать находку.

– Летняя агроусадьба «У Янины», – прочитал он вслух. – Или «У Ягини», не знаю, буквы странные какие-то, никак не разберу.

– Чистый воздух, сосновый лес и река – вас ждёт идеальное место для загородного отдыха, – помогла прочитать информацию Анна. – Кстати, а где это?

– Не так уж и далеко. Под Минском, возле Ислочи. Кстати, я бывал в тех местах на рыбалке, но про такую агроусадьбу не слышал. Может, съездим?

– Ну, ладно, давай. Всё равно ведь отпуск начинается.

К вечеру воскресенья супруги добрались до нужного места. Всё было даже лучше, чем на рекламном буклете. Территория просто огромная! И лес, и река, и уютные деревянные домики... Встречать гостей вышла хозяйка агроусадьбы. Статная женщина средних лет сразу понравилась Диме и Ане своей широкой улыбкой, добрыми серо-голубыми гла-

зами и необычным нарядом. Яркий сарафан сочетал в себе все краски лета, лицо обрамляли крупные серьги, напоминавшие ягоды, а многочисленные браслеты на запястьях издавали незамысловатую мелодию всякий раз, когда она двигала руками. После небольшой экскурсии по своим владениям Янина предложила гостям поужинать вместе, беспокоясь, что те уж точно изголодались в пути.

– Заказывайте, что хотите, – великодушно предложила хозяйка. – Всё приготовит моя скатерть-самобранка!

– Простите, что вы сказали? – от удивления почти хором спросили супруги. – Какая ещё скатерть?

– Я говорю, что у нас здесь очень быстрая доставка, – нарочито громко уточнила Янина. – Любые вкусности за считанные минуты привозят.

Аня и Дима признались, что немного устали, поэтому есть совсем не хотят, а вот от чая бы не отказались. Заботливая хозяйка понимающе кивнула и провела гостей в общую столовую. Под потолком раскачивались самодельные ловцы снов – обереги разных размеров и цветов, в центре стоял большой дубовый стол, застеленный льняной скатертью с очаровательными тесёмками, сверху на ней уютно устроились красивые свечи, которые наполняли прохладное помещение каким-то терпко-сладким ароматом. Гости застыли, рассматривая каждую деталь, а Янина ловко поставила на стол изящный кувшин с водой, в который опустила срезанный букетик лаванды.

– Ну, присаживайтесь, вы чего как не родные, – с улыбкой махнула рукой на стулья хозяйка.

– У вас здесь всё так... необычно и красиво, – подбирала слова Анна.

Янина широко улыбнулась и хлопнула ладонью по скатерти. На столе тут же появились пирог с голубикой на расписном блюде и три чашки травяного чая – нос защекотали волшебные запахи, от которых даже немного разыгрался аппетит. Хозяйка нарезала угощение крупными кусками и подвинула его ближе к пребывавшим в лёгком замешательстве гостям. Ну и фокусы в этой усадьбе!

– Вот, на здоровье, – кивнула на блюдо Янина. – Голубика своя, чай тоже сама делаю – в лес за травами выбираюсь. Помогают мне тут, конечно, Баюн, Павел и Кузьма, но рук всё равно не хватает. Сейчас самый сезон, гостей много, стараюсь, чтобы все чувствовали себя здесь комфортно. Ну, постепенно со всеми познакомитесь. И животных в агроусадьбе хватает, особенно котов.

От милой болтовни хозяйки супруги немного расслабились и принялись уплетать вкусный пирог, прихлёбывая горячим чаем. Янина продолжала, улыбаясь, рассказывать про постояльцев, однако в её голове уже зрел план. Она сразу почувствовала неладное, как только эти двое появились у неё на пороге. Холод. Именно он окутал пару со всех сторон, отчего Ягиня поняла всё слишком быстро. Нет-нет, здесь нет никакой путаницы в именах. Так как же всё-таки зовут хо-

зайку агроусадьбы? Скажем так – для каждого гостя у неё своё имя. Людям, конечно же, привычней Янина, вот она и отзывается.

– Янина, скажите, а много у вас голубики? – задал вдруг тот вопрос Дмитрий, который хозяйка с нетерпением ждала.
– Вы говорите, что рук не хватает...

– Дайте-ка вспомнить, – закатила глаза Ягиня, пытаюсь отыскать на чердаке памяти нужную информацию. – Кустов тридцать точно будет. Ягода крупная такая, сладкая, жаль, если пропадёт...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.